

Грязнова Ю., Смирнов С.
Называя вещи своими именами
(открытие дискуссии "О методологии и антропологии")

<http://www.circleplus.ru/content/communicarium/dis/5/0>

Уважаемые коллеги!

Мы (Юлия Грязнова и Сергей Смирнов) предлагаем к возможному обсуждению совместный текст. Исходно это была статья «Называя вещи своими именами», написанная Ю.Грязновой по предложению С.А. Смирнова для Альманаха «Человек.RU», посвящённого рассмотрению проблем антропологии в разных философских школах и направлениях. Собственно, статья принята С.Смирновым для публикации. Но при этом он прямо внутри текста статьи написал свою критику и комментарии (в тексте они выделены зелёным цветом). И мы приняли решение опубликовать этот совместный текст в Сетевом альманахе «Кентавр». Такой вот получился совместный проект двух альманахов: «Кентавра» и «Человек.RU».

НАЗЫВАЯ ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ
(о «человеке» в СМД-методологии)

Наблюдения над антропологическим дискурсом

Грязнова Ю.

Вы замечали, что как только речь заходит о человеке, так сразу же дискурс перестраивается во что-то поэтическое, метафорическое, нарративное? Например, такое:

«М.Хайдеггер искал глубины бытия, живя в деревне, в лесу, как бы укрывшись в природу, в фюзис. Человек же перехода живет на улицах, на дорогах, в переходах, на рельсах и мостах, коридорах и порогах.

Эта метафора жизни на порогах до сих пор остается свежей. Она задает дополнительный контекст понимания всей судьбы русской художественно-философской мысли. Последняя рождалась в усадьбах, в покое, в кабинетах, в деревне. А.С. Пушкин не мог творить в Петербурге. Он уезжал в Болдино и Михайловское. Впрочем, Петербург тогда еще не стал городом. Он пока еще был городом-крепостью, резиденцией и тюрьмой».^[1]

Но ведь «антропология» – это, как любая «логия» – нечто научное и строгое. А речь о человеке никак не выйдет из повествовательного режима. Логически можно предположить три варианта: первый – что наука о человеке – это особая наука и у неё особый дискурс; второй – что мы находимся на начальном этапе становления антропологии, и надеемся, что всё же понятийный аппарат её будет разработан и дискурс будет не столь метафоричен; третий – что человек – это дискурсивная фигура, а построение антропологии как научной дисциплины – это «ложный» проект.

С точки зрения СМД-методологии, более вменяемым оказывается последний вариант.

С.А.Смирнов.

Вынужден заметить, что сами философы, представители антропологического цеха, давно признали попытки М.Шелера и его последователей на построение новой универсальной науки, философской антропологии, тупиком. И сейчас стоит задача не построения новой науки, логики, а осмысление самой «ситуации человека» через привлечение разнообразных дискурсов, культурных и антропологических практик, в которых сама антропология перестает быть вообще наукой и даже логией, но становится неким полем или пространством самоопределения и самопостроения человеком собственной ситуации изменения и развития. Это первое.

И второе. Все же цитата взята из моего текста, потому вынужден отреагировать. Юлия отметила верно про то, что, как только речь заходит о человеке, дискурс становится поэтическим. В этом суждении есть налет оценки. И что, спрошу я? Не вижу здесь ничего зазорного. Это ведь давний культурологический вопрос. В свое время Платон изгонял поэтов из своего тоталитарного государства, поскольку они были, видите ли, дальше всех от образца, они были подражателями третьей категории, стояли последними в практиках мимезиса. А философов он оставил, поскольку только им вменена была способность постигать Благо и становиться хранителями и управленцами идеального полиса.

С тех пор время шло. В 20 веке про поэтов вспомнили. М.Хайдеггер захотел их вернуть, дать им достойный их голос. Стало понятно, что в ситуации нового начала, нового зачина истории первое слово и принадлежит поэту. Мудрый Уистен Оден писал – «то, что говорит поэт, не говорилось до него никогда, но, будучи сказанным, его слово должно восприниматься читателем как должное».^[2] Поэзия, по его мнению, не уступает философии в передаче содержания: «в умелых руках форма стихотворения может приобрести черты силлогизма... Стихи делают любую идею более ясной и четкой, более картезианской, чем она есть на самом деле».^[3] За ним его ученик и последователь Иосиф Бродский фактически делал ту работу, которую у нас в России не делали философы, ввергшиеся в

постмодернистские игры – работу по хранению и приумножению культурных практик, держа традицию и вылепляя свою культурную форму, постигая Время и Бытие средствами автопоэзиса.

А уже после поэтов начинают работать философы. Последние ничего так и не поняли про человека, понастроив псевдоутопические системы. Поэтому надо вернуть голос поэту. Ему есть, что сказать о человеке.

Грязнова Ю.

СМД-методология vs Антропология

Сразу нужно сказать, что я знаю о существовании позиций, которые говорят, что антропология является «передним краем» СМД-методологии, или, по крайней мере, вполне допускают возможность антропологии и антропологических штудий в рамках СМД-методологии. Знаю, но придерживаюсь по поводу антропологии радикальной точки зрения, а именно:

СМД- методология (в том числе) – это проект по выведению «человека» из тем и предметов ... -логических разработок.

Для СМД подхода человек возникает исключительно в отношении к внешним структурам: социальным, институциональным, мышления, деятельности, коммуникации и т.п. А, следовательно, исследовать, строить научные дисциплины нужно по поводу этих структур. И создавать (проектировать, программировать) тоже нужно структуры, а не людей.

Такое отношение к «Человеку» было в методологии с самого её начала

«Итак, вот — основная проблема, которая встала в 40-е годы. И звучит она очень абстрактно, даже схоластически. Так где же существует человек? Является ли он автономной целостностью? Или он только частица внутри массы, движущаяся по законам этой массы? Это — одна форма этого вопроса. Другая — принадлежит ли творчество индивиду? Или оно принадлежит функциональному месту в человеческой организации и структуре? И я отвечаю на него очень жестко: конечно, не индивиду, а функциональному месту.

...Продолжая эту мысль, я говорю: с моей точки зрения, способность читать и писать, мыслить или, наоборот, не мыслить, переживать или не переживать, иметь нравственность или не иметь оной и жить без нее припеваючи — все это определяется принадлежностью к тому или иному месту, функциональному месту в социальных человеческих структурах.

При этом каждый человек может перескочить со своего места в другое. Я понимаю прошлую историю, когда люди стремились передвигаться по местам социальной организации, и это определяло смысл жизни каждого индивида. Для этого учились, получали образование — не ради образования, а ради того, чтобы подняться в социальной иерархии. И это задавало смысл человеческой жизни. А поскольку у нас сейчас этого нет, то и смысла жизни — нет. И не может быть, если подумать поглубже».[4]

«Человек ты или нет, определяется тем, какое место ты занимаешь в социальной структуре».[5]

«Человек отличается от животного тем, что животное индивид, а человек – место в функциональной структуре общества».[6]

«А личность – это когда человек-индивид отвоёвывает себе право не подчиняться законам места и бродить в этой социальной структуре. Вот тогда формируется личность».[7]

«Люди или движутся внутри этих траекторий, или перескакивают с одной траектории на другую. Вся их свобода заключается в том, что они могут с одной траектории перескочить на другую траекторию в этом же множестве. И этим определена свобода воли».[8]

Человек в рамках СМД-методологии не более, чем результат организации исходного материала вида homo sapiens разнообразными процессами и структурами. Человека самого по себе, вне этих структур нет никакого. Человек – это принципиально бессодержательное слово. Слово – оператор, идентификатор – не более. И с такой точки зрения мышление о человеке, вступление на антропологическую почву делает нас беззащитными перед самыми разнообразными структурами повседневности и образами жизни. Ведь пустому оператору можно атрибутировать любые свойства и характеристики.

Антропологические настроения – это указание на кризис смыслообразования по поводу человека, кризис, случившийся в ходе реализации модернистского проекта индивидуальности, подготовившего эту самую антропологическую почву (только не плодородную, а наоборот, типа солончака или болота).

Смирнов С.

Разумеется, просто «человек» – сугубо бессодержательное слово. Потому все попытки построить объект «человек» обречены на провал. Но ведь антропологический поворот в 20 веке означал прежде всего не порождение новой науки (это мы уже зафиксировали, это мы прошли) а именно новый вектор, оптику мышления. Антропологический поворот в лице таких мыслителей, как М.М.Бахтин, М.Хайдеггер, Л.С.Выготский, означал именно иную методологическую установку, иное умо-зрение. Вовсе не надо называться антропологом, чтобы этот поворот осуществлять. Такими интеллектуальными рычагами по осуществлению поворота были после второй мировой войны Л.Витгенштейн, позже М.Фуко. А у нас –

Г.П.Щедровицкий, наиболее последовательно отстаивавший позицию методологической оптики, конкурируя с оптикой натуралистической и феноменологической.

А поэтому – не надо атрибутировать человека. Не надо искать ему характеристики. Ему надо понять самого себя, свою ситуацию, держа предельный, онтологический горизонт. Такую онтологическую рамку у нас из всей плеяды москвичей после войны держал именно Г.П.Щедровицкий. Он оказался единственным, который задавал новую онтологическую картину, системно-мыследательностую. Потому он и ставил онтологические вехи: Аристотель – Фихте – потом я, Г.П.Щедровицкий.

Можно спорить сколько угодно с этим его видением истории философии, но именно антропологический заход и был у Г.П.Щедровицкого. Ведь что получилось? Поскольку весь предшествующий классический рационализм в итоге свелся к победе натурализма, поскольку Э.Гуссерль в своем феноменологическом проекте ушел в рафинированные структуры сознания, то на этом фоне Щедровицкий выглядит принципиально антропологически ориентированным, задевающим существо и нерв ситуации человека – обратиться на себя, субъект познания. Неча на объект дивиться и пенять, коли у тебя проблема с твоим мышлением. Как помыслишь – так и будешь жить. Это ведь и есть сугубо и принципиально антропологический заход.

И заметьте, Г.П.Щедровицкий в этой своей лекции «На досках» так и отметил, что «один из основных вопросов, который должен был обсуждаться» в те годы, был вопрос о соотношении души и духа, фактически, вопрос сугубо антропологический.[9] И это уже точка зрения зрелого Г.П.Щедровицкого, обзирающего истоки рождения ММК. Тогда они так вопрос не ставили. Но объективно в нем работали.

Отмечу на полях, что Э.Гуссерль, этот рафинированный рационалист, стремящийся редуцировать до предела субъективный опыт человека, в своих статьях 1922-23 г.г. также отмечал, что перед философией и культурой стоит главная проблема – проблема человека, точнее, проблема обновления человека.[10] Его длинный спор с другом-оппонентом Львом Шестовым не случаен.

Грязнова Ю.

Вообще, для европейско-христианского мышления мыслить человека как возникающего в определенных структурах – вполне нормально: человек, как «образ и подобие Божие», или усилие по переходу от человека ветхого к человеку новому, человека меняющего одни структуры жизни на другие, создающие новые, когда такая работа требует от человека воли, самоотречения и т.п. И уже если находиться в понимании важности традиции и поиска корней, то в некотором общем пункте разные традиции сходятся: человек реализуется через внешние структуры. Индусы говорят, что смысл жизни – страдание (suffer), христианский священник на вопрос: «Что делать?», ответит: «Терпеть». Могут быть и другие способы человеческого определения по поводу внешних структур: изменения существующих, выстраивания параллельных, подчинения, но это уже разные варианты определения отношения к внешним структурам.

Но модернистский проект Индивидуальности качнулся, видимо, в сторону индивидуальности настолько, что человек сам по себе стал важнее внешних по отношению к homo sapiens структурам, входя в которые человек и становится человеком. Так постепенно стали возникать концепты «страха», «заброшенности», одиночества», которые стали началом крайне модного антропологического тренда. И источник высоких антропологических устремлений, и источник такого неприятного массового типа человека, как «человек потребляющий» – один: обращенность на человека как такового.

Смирнов С.

Все же надо бы вернуться к началу – а что понимает Юлия Грязнова под человеком? Если конкретного индивида с его страхами и комплексами, слабостями и немощью, то именно он-то и есть то страдающее начало, к которому нельзя сводить человека и которое оказалось погребено под всякого рода надчеловеческими и сверхчеловеческими структурами, о чем констатировал постмодерн.

Вопрос-то стоит другой. Бог с ним, с индивидом. Этому индивиду еще предстоит стать человеком, то есть родиться второй и третий раз, обрести идею человека.

Я-то под человеком имею в виду не этого индивида Ивана, а идею Человека, онтологическую рамочную идею, наряду с идеями Бытия, Бога, Природы, Деятельности. И по поводу этого необходимо выстраивать онтологически укорененную антропологию. Вообще-то в культурной традиции только так и понималось место антропологии. И культурный ренессанс 20-х годов прошлого века вовсе не откровение, а именно ренессанс, то есть возврат к корням, призыв вспомнить бытие и человека и вернуть ему онтологические корни и истоки.

Поэтому методология Щедровицкого – это попытка преодолеть тот же психологизм и индивидуализм, обратную сторону натурализма, а вовсе не антропологизм. Или скажем так – это попытка преодолеть дурной антропологизм, замешанный на редукции, на сведении человека к его индивидуальным характеристикам. Так это же, пардон, вчерашний день. Это уже, извините, вопрос квалификации философа. Плох тот философ, который обсуждает проблему человека в категориях индивидуальности, а не пытается работать на языке онтологических концептов.

Грязнова Ю.

В этом контексте СМД-методология – это один из вариантов преодоления антропологического мышления, удерживающий европейский вариант организации «человеческого».[11] Не возврат «назад к истокам», а новые решения в новых условиях. Если говорить о человеческом, СМД-методология увидела очень рано чуть ли не основную переменную в человеческой организации: смену в инстанции, принимающей решения, производящей познавательные и проективные полагания и их реализующей. Такой инстанцией является сегодня не индивидуальный человек, а разные коллективы. Это новый вид структур, который надо принимать, в который надо входить, который можно строить и перестраивать. И СМД-методология вместе с представлениями о человеке, как заполняющем место в структуре, строила представления и техники организации коллективного мышления, учась создавать коллективных агентов создания новых представлений (именно коллективный агент создаёт принципиальные схемы, организует процессы проблематизации или онтологизации).

Смирнов С.

Вы фактически подтверждаете как раз то, что я сказал выше. «Индивидуальный человек» – это оксюморон. Человек по определению одного из классиков есть «ансамбль общественных отношений». У этого классика Г.П.Щедровицкий и учился. Правда, там другой крен возникает. Тот же Э.В.Ильенков, который также учился мысли у К.Маркса, излишне социологизировал человека, сведя его существо к социальности. Методологические инструменты у Г.П.Щедровицкого оказались более тонкими и адекватными относительно понимания человека.

Грязнова Ю.

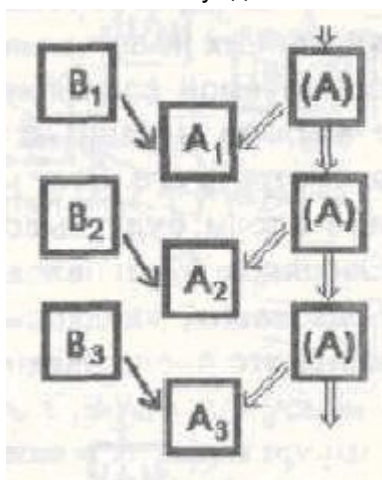
Что же остаётся человеку? А ему, как и в истоке европейской традиции, остаётся свобода и воля входа и выхода из внешних структур, их трансформаций. И само выражение «внешние структуры» становится излишним, если мы рассматриваем человека как материал и организованность процессов и структур: в этом случае все структуры становятся внешними по отношению к человеку. Это означает, что различения внутреннего/внешнего по отношению к человеку здесь не работают. У человека нет ничего внутреннего, то есть он принципиально свободен. Это не означает, что он свободен реально, то есть может сделать из себя, что захочет. Потому что кроме его пожеланий и технических действий, направленных на себя, есть ещё и естественные условия – структуры, одни из которых он изменить не в силах, а другие просто не выявлены им как видимые. Так по отношению к человеку вместо различения внутреннего/внешнего СМД-методология использует категориальное различие естественного/искусственного.

Смирнов С.

Вот именно. Внешнее и внутреннее в парадигме мыследеятельности (в пределе – мир есть мыследеятельность и ничего, кроме мыследеятельности нет) снимаются. Человек и есть эти структуры мыследеятельности.

Но, вспоминая выше приведенные цитаты Г.П.Щедровицкого, все же выделим то, что он сам вынужден был отметить – идею о личности, которая бродит по структурам. Это пока не более чем метафора. Здесь сидит противоречие. С одной стороны, человек – лишь «носитель мышления», «случайный материал», с другой стороны, есть человек-индивид, становящийся личностью, отвоёвывающей себе право не подчиняться законам места и бродить по социальной структуре.

Здесь как раз СМД-методология и заканчивается. С категорией личности Г.П.Щедровицкий не работал, в запале посылал подалеже психологов, которые донимали его этими разговорами про личность. Но вынужден был сам признавать, что есть такой феномен.

Но чтобы не говорить про этот феномен с придыханием и метафорически, необходимо выстраивать онтологию человека, преодолевающего индивидуальные пределы и выстраивающего мыследеятельностные ансамбли. Здесь уже средств СМД-методологии не хватает, поскольку в категориях мышления и действия невозможно объяснить феномены свободы, воли, личности, смысла. Последние суть не мыследеятельностные образования. Они имеют иную природу. Но именно они делают человека человеком.

Грязнова Ю.

Категории искусственного/естественного

Представление об искусственном и естественном вводилось в ММК на этапе разработки теории деятельности для понимания того, каковы механизмы трансформаций разных социальных структур. При этом в представлении социальных структур выделялись естественные изменения структур (те, которые происходили неподконтрольно, не из технической позиции, имели выражение в формах законов или трендов, или вообще не имели выражения пока, а лишь только предполагались – короче, все те, которые не охватывались областью ведения технической позиции или действия норм)

«Воздействие изменяющихся от одной единицы к другой условий В определяет «естественное» изменение рассматриваемой структуры А. Соответственно являются

«естественными» и связи, воздействующие на нее с этой стороны. Воздействие нормы (А) и сама нормирующая связь в противоположность этому выступают как «искусственные». Так же будут характеризоваться стороны структуры А, остающиеся постоянными благодаря воздействию нормы, или же изменения в структуре А, вызываемые воздействием нормы (случай вполне возможный и в более сложных вариантах социальной организации).

Важно подчеркнуть, что вся приведенная выше система социального воспроизводства представляет собой одно целое и живет по законам целого. Характеристики «естественного» и «искусственного» имеют смысл лишь при таком подходе и таком расчленении этой системы. Они могут применяться к структуре А только как к продукту разобранного двоякого механизма в системе общественного воспроизводства; они определяют ее как элемент этой системы и расчленяют изменения, происходящие с ней, на две составляющие. В этом и состоит основное назначение этих характеристик».^[12]

На месте структуры А может оказаться любая общественная структура, в том числе и человек.

Эти представления об искусственном и естественном позволяют представить человека, как самоуправляемый самопреобразуемый объект. Но для этого человек должен ещё появиться как социотехническая позиция, занять эту позицию по отношению к самому себе:

«Только не поймите меня в онтологическом плане! Сами по себе объекты ничем не являются, но эта система будет именно Е-системой постольку, поскольку она таким образом представлена в социотехнической позиции. Все зависит от того, что я делаю!..

Для того чтобы организовать управление, оказывается необходима сложнейшая комбинация такого рода знаний, где мы рассматриваем сначала нижележащую систему как Е-систему, осуществляем прогнозирование и находим линию ее естественного развития, потом, переходя в социотехническую позицию, начинаем вырабатывать некоторые идеалы в отношении этих систем – мы их проектируем и конструируем. Затем мы строим соответствующие средства в виде организованностей, а дальше начинается типологическая игра на «воронках» возможного развития».^[13]

Человек здесь не находится. Он представляется – и в первую очередь самому себе – как след, итог прошлых естественных и искусственно организованных процессов и наложенных структур, и как материал для переорганизации некоторыми будущими структурами. Как видится с этой точки зрения известный лозунг «Человек – это звучит гордо»? Вы помните, где и в каких условиях он был произнесён? Это же пьеса Горького «На дне». Дно – это структура, из которой нет выхода (действительно ли нет, или же у его обитателей не хватает соответствующей готовности для выхода – не столь важно). И вместо попытки осмысления наличных структур и мест, собственных структур поведения, возможности иных, новых структур, герои обращаются к Человеку, находя в этом утешение, но при этом окончательно лишая себя шанса на перемены. Литературная альтернатива этому – роман «Что делать?» Девушка Вера, находящаяся на том же самом дне жизни, вместо того, чтобы утешаться принадлежностью к Человечеству – строит новые структуры (между прочим, до сих пор роман «Что делать?» можно использовать, как кейс при объяснении, что такое управление и организация, и как происходит развитие бизнеса, что такое управление персоналом и т.п.). Понятно, почему роман Чернышевского не признаётся шедевром русской литературы – слишком мало в нём популярного антропологического тренда.

В привычных трактовках мы на место естественного подставляем воспитание, происхождение, прочитанные книги, образование, прошлую деятельность. Но вполне можем и в более экзотической для собственно методологии поставить и рок, фатум, судьбу. Для СМД-методологии в этих «Е/И» различениях есть ещё много перспектив Потому что до настоящего времени СМД-методология успешно продвигалась по линии разработки искусственных преобразований (проектов, программ, создания организаций, социотехнических преобразования и т.п.), но гораздо меньше уделяла внимания другому аспекту, который может быть выполнен только за счёт исследовательской работы: выявления естественных структур: сознания, организации повседневности, судьбы и т.п.

Смирнов С.

Разумеется, можно выстроить любую систему. Человек – существо мыслительно изощренное. Можно и самого человека засунуть в эти ИЕ системы и представить тоже как некий «самоуправляемый самопреобразуемый объект». Да, можно все. Это лишний раз показывает, что мы как существа мыслящие можем положить на доску мышления все, что угодно. И структуры бессознательного (как у К.Г.Юнга), и схему мыследеятельности (как у Г.П.Щедровицкого), и структуры надзора и наказания (как у М.Фуко), и структуры габитуса (как у П.Бурдьё). Но всегда желательно понимать степень допущения и меру ответственности таких допущений. Это же все проекции на человека. И заметьте, все эти примеры и есть попытки преодолеть в 20 веке не антропологизм, а редукцию, индивидуализм человека желания и вождения. И заодно – попытки преодолевать этот выпревший дурно пахнущий метафоризм плохих поэтов от философии, которые, подобно героям Горького (здесь уровень вообще ниже плинтуса, сугубо идеологический воляпук, вложенный Горьким в уста этого демагога Сатина), призывали к человеку, не держа за своими речами ничего содержательного.

Грязнова Ю.

Схематизация

Специфическое методологическое «изобретение», отличающее методологов от всех остальных интеллектуальных школ – это схематизация. Требование на схематизацию – это требование «наглядного» закрепления, изображения структур, в которые предстоит войти. Причём, в схематизации СМД-методология показала, что организация присуща не только социальной жизни, но и таким (раньше говорили творческим, сегодня – креативным) «свободным» процессам, как понимание, мышление, коммуникация. Это те структуры, которые не видны за текстом, в схеме они становятся зримыми. А схематизация – инструмент, позволяющий реализовать эту антиантропологическую позицию методологии.

Смирнов С.

Точнее, антииндивидуалистическую. Не так ли? Про схемы абсолютно согласен. Это был сильный ход в свое время. Правда, В.А.Лефевр, на которого Вы ссылаетесь ниже, вовсе не имел в виду изображение позиции с помощью своих рожиц. Это уже Г.П.Щедровицкий потом ввел такое понимание, объясняя, почему он рисует «морковки». А Лефевр, будучи математиком, все же предлагал эти рожицы как знаки, пытаясь формализовать не привычные для этого вещи, касающиеся этики, морали и проч. Отсюда его занятия в последствии, посвященные логическим обоснованиям добра и зла и введению двух этических систем. Но Лефевр работал в принципе в иной онтологии, не мыследеятельностной.

Грязнова Ю.

Самыми интересными для методологической схематизации стали позиционные схемы: схемы, в которых позиция изображается значком, похожим на человечка.

Но это не человек – это «изображение человека», которое говорит нам о том, что и человека можно изобразить, но такой «человек, которого возможно изобразить» – называется позицией.

Предельно об антиантропологизме позиционной схематизации написал В.А.Лефевр, внёсший в СМД-методологию представление о рефлексивных структурах и начавший рисовать этих самых «человечков»:

«А с человеческой душой, к сожалению, дело обстоит иначе. Душа всё время как бы присутствует, она свидетель ваших разговоров о ней. Поэтому душа как бы «пищит» исследователю: да я вовсе не такая, как ты говоришь! Я другая!... Вы думаете, что я описываюсь математикой? – а я ею не описываюсь, вы говорите, что я подчиняюсь тем-то и тем-то законам? – а я им не буду подчиняться, не хочу и всё тут!... Я стал оперировать с душой на доске и тем самым обманул её, заявив её, что она на самом деле структура, изображённая мелом на доске, что она – подлинная – находится там, на доске, а не здесь, внутри меня».^[14]

На доску выносятся и всё то, что организует человека в данной позиции: его сознание, цели, знания, инструменты, предписания, культурные нормы и т.д. (знакомые с методологическими схемами могут вспомнить ещё и другие возможности).

Структуры такого «изображённого человека–позиции» можно принять на себя или не принять. Человек в какой-то степени свободен в решении о входе в позицию, но на вхождение в неё ему как раз и требуется то, что называется волей.

Дело в том, что в общем коммуникационном поле, особенно публицистическом слово, «позиция» является синонимичным «точке зрения». Для методологии же это разные вещи. Находясь во взаимоотношениях с другими позициями, позиции предписана (можно сказать, предначертана – на доске) определённая организация: какие другие позиции она должна охватить своей рефлексией, какие процессы она должна организовывать, какие знания и инструменты она должна использовать. И в таком повороте проблемой становится уже не столько свобода входа в позицию, сколько готовность человека к этому входу. Человек свободен промыслить себе позицию (но только при условии, что обладает для этого необходимыми мыслительными способностями и находится в адекватной таким задачам структуре мысли-коммуникации) и свободен войти в неё (но, опять же, при условии, что он обладает необходимыми для нахождения в этой позиции формами рефлексии, знаниями, владеет нужными инструментами и т.п.).

Не уделяя внимания «антропологии», СМД-методология всегда вела исследования и разработки в области образования, педагогики и антропотехники.

Смирнов С.

Заметьте, введя понятие антропотехники, методологи фактически не выступают против антропологизма, а наоборот вводят его как один из ключевых принципов. Просто они не занимаются выстраиванием спекулятивной антропологии. И не надо. Но ведь невозможно выстраивать антропотехнику (технэ человека, набор средств и практик по его становлению), не выстраивая антропологию (логос человека, понятийный конструкт о нем) и антропономику (номос человека, его закон, то есть собственно онтос, бытийный предел, горизонт).

Грязнова Ю.

С позиций СМД-методологии свобода человека заключается в его способности строить новые структуры, в том числе позиционные, и занимать позиции в этих структурах, а, следовательно, он должен быть готов к тому, чтобы это сделать. И разные методологические группы продолжают развивать это направление «подготовки» человека, например группа А.П.Зинченко, разрабатывающая

программы «готовности»^[15] или группа С.В.Попова, разрабатывающая программы и тренинги интеллектуального продюсирования.^[16]

Можно, конечно, спросить, а как же экзистенциальный выбор? Неужели и к нему готовить? Да, готовить, потому что человека можно готовить как к работе в определённой профессиональной позиции, например, готовить спортсмена, способного бегать марафон, так и готовить к принятию экзистенциальных выборов. Тренировки будут, конечно, различаться. А принципиально разницы между способностью собраться и правильно распределить свои силы на дистанции или в сложной жизненной ситуации сделать нравственный выбор никакой нет. Между прочим, пробежать 42 километра – тоже очень больно и трудно.^[17] И тренировка техник экзистенциальных выборов – это на сегодня не столь уж экзотическая вещь.

Поэтому СМД-методология проявляет заботу о том материале, на котором может реализовываться мышление, мыследеятельностные структуры и процессы, и, между прочим, и само методологическое мышление – и разрабатывает сопровождающие и поддерживающие человека техники.

Смирнов С.

Ну, и нормально. Чем не антропология? Не вижу предмета спора. Группы методологов, на которых вы сослались, как раз занимаются отработкой средств, оснащающих человека, претендующего на выстраивание своей позиции, на разработку и реализацию проектов социального, культурного, политического развития. Другое дело (и это вопрос кухни, мастерской), что не всегда бывают подобраны адекватные средства для управления изменениями. Поэтому, например, С.В.Попов вводит ограничения на проектный подход в практике управления общественными изменениями, практике проведения общественных экспертиз.^[18]

Грязнова Ю.

Человек как дискурсивная фигура

Кажется очевидным некоторое противоречие. С одной стороны я утверждаю, что человек не является для СМД-методологии объектом промысливания, а с другой, сама же привожу цитаты основоположника школы СМД-методологии Г.П.Щедровицкого, где он напрямую говорит о человеке. Как быть с этим?

Смирнов С.

Да, интересно, как Вы выкрутитесь?

Грязнова Ю.

С этим быть очень просто, если различать в написанном или произносимом тексте интенцию, направленную на объект мысли, и дискурсивную, и коммуникативную составляющую текста. Но в реальности это оказывается довольно сложным делом: это мало кто различает. Поэтому очень часто можно слышать: «Щедровицкий сказал...» и далее идёт цитата. Так в принципе, наверное, можно было бы поступить и с цитатами, приведёнными в начале этого текста – начать с них обосновывать принципы СМД-антропологии. Но приведённые тексты – это тексты лекций, а не статьи. Это тексты произнесённые, обращённые к конкретным слушателям, при этом часто произнесенные в ответ на их вопросы. Тексты, произнесённые в конкретной коммуникативной ситуации, которые должны решить определённые коммуникативные задачи. И это характерно для текстов Г.П.Щедровицкого – речь о человеке идёт по большей части именно в устных текстах.

Смирнов С.

Это какой-то иной ход, в сторону. Вы напоминаете читателю о ментальной и коммуникативной функции текста или дискурса. Ну, разумеется, то, что помыслил – это одно. А то, что донес в речи-высказывании в ситуации здесь-и-теперь говорения – это другое. Но здесь важно быть последовательным. Важно, чтобы то, что помыслил, разбить на кванты понимания и донести до слушателя-читателя, причем адекватно. Или Вы полагаете, что Г.П.Щедровицкий в пылу спора, устной полемики, мог позволить себе принципиально иной взгляд? Мы же обсуждаем не тонкости полемики и устройство дискурса в коммуникации, а существо вопроса, то есть онтологию предмета.

Грязнова Ю.

Это означает, что человек для СМД-методологии – не объект мысли, а дискурсивная фигура. В чём её назначение в дискурсе и коммуникации?

1. Текст в коммуникации может преследовать много разных задач, но он обязательно должен «достать» того, к кому обращён. В обращении к другому должен быть некоторый идентификатор, который позволял бы другому (или всей аудитории) идентифицировать себя с тем, о чём говорится. Человек в этом смысле – практически всеобщий идентификатор. Легко себе представить, что в аудитории найдётся люди, которые не будут готовы или согласны идентифицировать себя, например, с родом, этносом, профессией, субъектом исторического действия и т.п. Но так выстроена наша культура и образование, что «человеками» мы себя считаем почти все (всякие извращённые случаи я не беру в расчет). Это естественная составляющая организации нашей рефлексии и невозможно не принимать её в расчет. Использование этого идентификатора по отношению к себе и к аудитории часто составляет чуть ли не единственную возможность установления контакта и доверия. Это типа заклинания «мы с

тобой одной крови, ты и я», дающего возможность продолжения коммуникации. Разговор о человеке – это всегда начало коммуникации – момент установления отношения. Или возврат к ним.

2. Человек, будучи всеобщим культурным идентификатором, одновременно является и одной из самых общих смыслообразовательных фигур. Особенно для нашего мира, сильно искажённого индивидуалистическими представлениями. Смыслы, выстроенные в рамках государства, истории, культуры, традиции принимаются, становятся понятными, когда удаётся произвести их переинтерпретацию на фигуру человека.

3. В методологии есть такая техника – введение схемы. Схема, особенно новая, обязательно должна быть введена дискурсивно, прояснена, объяснена, осмыслена. То же должно быть сделано при «вхождении» человека внутрь схемы, занятии им прочерченной схематически позиции. Здесь важно навести смысловые «мосты», по которым и возможно будет сделать этот переход. Любому методологу, занимающему хотя бы изредка педагогическую позицию, эта задача знакома. Когда, например, вам не удаётся начать тренинг в какой-то профессиональной позиции (органоведца, аналитика, критика, журналиста) до тех пор, пока вы не создадите текстов, несущих для вашей аудитории смысл: а зачем человеку это нужно? Так «разговоры о человеке» становятся важнейшим элементом антропологической подготовки (в том числе и самих себя, потому что методологи тоже принадлежат той культуре, в которой человек – это наиболее всеобщий идентификатор).

Мы прибегаем к человеку как к риторической фигуре в ситуациях неопределённости, сомнения выбора именно в силу того, что человек – это содержательно пустой оператор. Именно на этом потом накручиваются такие антропологические объективирующие тезисы, что человек – это «мерцающая структура», «магма с плазмой», «переход» и т.п. Но для СМД-методологии они несут не более, чем смысловой характер, и не рассматриваются в рамках мыслительных движений в сторону построения антропологии как науки или как дисциплины.

Представление о человеке, как о дискурсивной фигуре – вполне последовательная позиция в русле высказываний о человеке, как имеющем второе рождение, становящемся, изменяющемся, преодолевающим себя. В современном интеллектуальном мире СМД-методология, видимо, занимает то же место, что и опера в искусстве. Опера – это гипербола во всём. Методология – это опера интеллекта, доводящая происходящее в интеллектуальном мире до гиперболизации (в том числе и благодаря схематизации). Если свойство человека – всё время меняться, то не нужно строить антропологии. Каждая «антропология» есть лишь некий дискурс о человеке в данной конкретной ситуации коммуникации. Не более.

Смирнов С.

Я согласен относительно Вашей фиксации наших стереотипов, самоотжествлений, манеры идентифицировать аудиторией себя как представителя то этноса, то конфессии, то класса, социальной группы, профессии проч. И способ схематизации как преодоление этой редукции и самоотжествления – безусловно, плодотворный ход. Это понятно. И то, что в нашей речи человек часто становится некоей риторической фигурой – тоже понятно. Но это не значит, что такую речевую практику надо возводить в принцип. Это значит, что антропопрактике желательно вырабатывать средства разотождествления и преодоления всякого рода псевдоидентификаций и самоотжествлений. Этим и должна заниматься современная антропология как антропопрактика. Последняя категория, кстати, мне больше нравится. Именно выработкой разного рода антропопрактик и надо бы заниматься, чтобы не скатываться в разного рода редукции и спекуляции. Не «логии» строить, а практики вырабатывать. Но это как раз предполагает очень тонкую мыслительную настройку и оснащение нашего «чувствилища».

Грязнова Ю.

Это не значит, что разговор не важен. Просто он называется тем, что он есть – «разговором о человеке», а не «антропологией».

Смирнов С.

А это не одно и то же?

Грязнова Ю.

Разговор о человеке нужен.^[19] Может быть, действительно, настали тяжёлые кризисные времена, по слабости нашей мы нуждаемся в более частых разговорах о человеке. Но тогда нужно признаться самим себе, что учащающийся разговор об антропологии, её необходимости, о том, что это наш «фронт», «передний край» – это не Ренессанс и Возрождение, а свидетельство всеобщей слабости «человеческого» духа.

Смирнов С.

Я бы сказал – кризиса. Причем, к сожалению, сильно затянувшегося. А затянулся он по той простой причине, что все же человек слишком живуч и силен, чтобы сразу гикнуться. Он долго лягается и дергается. Еще не настала та витальная ситуация, в которой дальше – уже некуда. Мы же существа все равно желающие. И пока наше желание не станет окончательно самоубийственным, мы и будем мнить себя чем-то и кем-то, строить очередные идентичности и концепции про себя. И боимся одного – пусть он гикнется, этот человек, то есть мы сами со всеми своими структурами. Поскольку движение к новому способу обитания (то есть онтологический переход) – это эпоха долгая, трудная, чреватая

гибелью себя привычного, то надо бы весь наш привычный язык и практики рече-говорения сдать в утиль. Нужен новый словарь человека.

Грязнова Ю.

Только в этом случае разговоры о человеке сослужат позитивную роль. Построение антропологии, построение идеализаций о «пустом месте» - как выстраивание дома на песке. Разговор о человеке, выводящего человека за его собственные пределы – это путь обретения корней.

Смирнов С.

Ну, вот Вы и заговорили как настоящий философский антрополог.

Грязнова Ю.

Одно из слов о человеке

В байках про методологию чаще запоминается история про первую игру в Новой Утке, начавшуюся с произнесённого без всякого сомнения Георгием Петровичем тезиса «Методология может всё!». И несколько реже вспоминается, что в основе методологической позиции лежит ещё и проблематизация – специальная, техническая организация сомнения, сомнения, затрагивающего глубинные основания. Те, кто стал когда-либо участником процесса настоящей проблематизации запоминают это на всю жизнь.

Мыслительные достижения методологии – выход из методологической проблематизации. Мощност методологических конструкций связана с глубиной осуществлённой проблематизации. Глубина методологической проблематизации возможна только при отношении к человеку лишь как к носителю проблематизируемых структур, понятий, смыслов. В противном случае проблематизация бы имела препятствие в виде Человека. И имела, между прочим. Многие участники игр помнят свои предельно депрессивные состояния, когда, картинны мира, способы действия и мышления, собственная идентичность – всё, причём одновременно, подвергалось проблематизации. А дальше было всегда два выхода.

Первый – выйти любым способом обратно к собственной тёплой человеческой идентичности (способы могли быть разные: уехать с игры, напиться, петь песни хором, найти задушевного собеседника). Этот путь, возвращая к «себе, своей человеческой самости» закрывал возможность входа в методологическую позицию. Не навсегда, разумеется, попытки можно было произвести неоднократно.

Второй путь – помыслить себя как пересечение естественных процессов и структур и тех, которые будут созданы. Иногда это принимало комические формы. Я помню девушку, которая на заключительной рефлексии ОДИ-69, посвящённую теме «Эксперимент и экспериментальные площадки в образовании», делала доклад и говорила: «Вот я кладу сейчас себя перед собой, как экспериментальную площадку». Это было наивно и смешно. Но по сути эта смешная девушка была тогда гораздо ближе к методологической позиции, чем я, которая – уже не помню теперь в каком коллективе (то есть нашла себе задушевных спутников) – в рефлексивном докладе говорила что-то о нравственности. Мой первый заход оказался неудачным. Сейчас подобные вещи можно наблюдать (и мы их искусственно организуем) в образовательной практике.

Смирнов С.

Я бы заметил, что эта девушка, смешно говорящая, осваивала чужой для себя язык. И как всякий новый язык, он у нее воплощался во всяких речевых ляпах. А главное-то в другом – она при этом понимала или нет, что делала? Таких воляпюков на играх было множество. Это показатель того, что люди не самоопределяются, а пытаются выглядеть своими в глазах методологов. А говорить на естественном языке, описать свою ситуацию развития на своем языке – сложнее.

Грязнова Ю.

«Методология может всё» – это обратная сторона способности произвести проблематизацию, дойдя «до самого края», проблематизируя при этом и всё то, что ещё только что, казалось, и составляет суть человеческого, и преодолевать и изменять его.

Именно так я и понимаю первый шаг в программе методологии (как о нём рассказывал Г.П.Щедровицкий в книге «Я всегда был идеалистом»)[20]. Методология была для него поиском выхода из безвыходного положения, и методологическая позиция проявилась как позиция в ситуации, когда всё «человеческое» было невозможно.

Вполне понятно неприятие представления о человеке как лишь о носителе, материале для разных процессов и структур и их борьбы. На первый взгляд – негуманно это. Но, как и методология в самом её существе, такое представление о человеке необходимо только в ситуациях «тотальной» проблематизации, ситуациях «без выхода». А в этих ситуациях эти жёсткие и «бесчеловечные» представления оказываются самыми гуманными, позволяя выйти из этих ситуаций иначе организованными и «смочь всё».

Смирнов С.

Полагаю, что излишне спорить с пседогуманистами о том, насколько жестко и негуманно поступал Г.П.Щедровицкий на играх. Но ведь эти сопли нельзя отождествлять с антропологическим дискурсом и антропопрактикой. Пафос самоопределения заключается как раз в том, чтобы ставить автора высказывания в ответственную позицию, чтобы он понимал, что делает и что предлагает. И если вам будут после этого говорить о гуманизме, о некоем насилии, то какое это имеет отношение к антропологии?

Вопрос же о другом. В свое время Лефевр, на которого Вы сослались, поставил перед собой задачу выйти на уровень моделирования человеческой психики. Психология долгое время страдала именно из-за того, что впадала в этой свой психологизм, зависимость от присутствия души и душевности говорящего. А впадала потому, что ей не хватало языка моделей. И Лефевр, привлекая язык математики, стал строить модели и описывать посредством их психику, делая тем самым психологию наукой.

Методология это и обязана делать – строить мыследятельностные модели. Мне кажется, именно этого не хватает сейчас и методологии, и антропологии – не хватает модельности. Чтобы в них, в моделях, удерживалось содержание и ухватывался смысл и существо ситуации человека.

А пока моделей нет, остаются разговоры, разговоры... Слова, слова, слова...

Примечания

[1] Смирнов С.А. Бытие в свободе или проблема культурной идентичности человека в ситуации онтологического перехода. // Философские науки. – 2004. – № 6.

[2] Оден У.Х. Чтение. Письмо. Эссе о литературе. – М.: Изд-во Независимая Газета, 1998, с. 274.

[3] Там же, с.64-65.

[4] На Досках. Публичные лекции по философии Г.П.Щедровицкого. – М.: Изд-во Шк. Культ. Полит., 2004. с. 27.

[5] Там же, с. 27-28.

[6] Там же, с. 29.

[7] Там же, с. 30.

[8] Там же, с. 24.

[9] Там же, с. 23.

[10] Гуссерль Э. Статьи об обновлении. – Вопросы философии. – 1997. – № 4. – С. 109-135.

[11] «СМД-методология – это продолжение гегелевской линии, где «каждый человек есть отражение определённых структур культуры в этой социальной организации» (На Досках. Публичные лекции по философии Г.П.Щедровицкого. – М.: Изд-во Шк. Культ. Полит., 2004, с. 23. Щедровицкий неоднократно указывал, что его методология как раз выступает как деятельностное преодоление гегелевской линии. «Гегелевичем» был Ильенков, который просто заигрывал с терминологией великого немца.

[12] Щедровицкий Г.П., Лефевр В.А., Юдин Э.Г. Естественное и искусственное в семиотических системах. // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995, с. 51-52.

[13] Щедровицкий Г.П. Естественное и искусственное в социотехнических системах. // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995, с. 443.

[14] Лефевр В.А. Возвращение // Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: Когито-Центр, 2003, с. 437.

[15] <http://www.taom.ru/fitness/>

[16] <http://www.mmass.ru>

[17] Недавно по ТВ показывали интервью с каким-то священником (к сожалению, как всегда, телевизор включаешь на середине передачи, поэтому никаких точных ссылок я дать тут не могу), который высказывал похожую позицию. Он говорил примерно следующее: «Когда человеку плохо, с ним случается беда, и он не знает, как ему жить дальше – ему очень трудно помочь. Потому что он не готов к такому положению дел. А людей надо к этому готовить заранее».

[18] См.: Попов С.В. Методология организации общественных изменений. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений. // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

[19] «Необходимо развивать язык говорения о себе: не о своих обыденных нуждах, а о себе, как о человеке, индивидуальном воплощении человечности, о межличностных отношениях и личностном росте... В условиях «Демократии чувств», когда образ жизни сильно индивидуализирован в эмоционально-ценностном отношении, крайне актуален вопрос самоопределённости и наведения межличностных связей. Наша задача – внятно сказать друг другу, как мы отстраиваем свои отношения и что нам вместе доступно делать». (Генисаретский О.И. Обретение формы: человек становящийся. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск, НГУЭУ. 2006, с. 16.

[20] Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом. – М., 2001.